Демченко Полина Николаевна

МАСЛЕНИЦА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена исследованию феномена праздника Масленицы как проявления культовой деятельности человека, которое позволяет показать имя и число как принципы различных онтологий (традиции имени и традиции числа). Изучаются проявления импликаций имени и числа в масленичной обрядности на основе идеи П. А. Флоренского о соотношении деятельностей современного человеческого общества, а именно соотношения трех своеобразных сторон - теоретической, практической и литургической (мировоззрения, хозяйства и культа). В публикации рассматриваются онтологические предпосылки культа. Автор опирается на методологию философии имяславия, которая изложена в трудах П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 50-53. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 111
Философские науки

Данная статья посвящена исследованию феномена праздника Масленицы как проявления культовой деятельности человека, которое позволяет показать имя и число как принципы различных онтологий (традиции имени и традиции числа). Изучаются проявления импликаций имени и числа в масленичной обрядности на основе идеи П. А. Флоренского о соотношении деятельностей современного человеческого общества, а именно соотношения трех своеобразных сторон – теоретической, практической и литургической (мировоззрения, хозяйства и культа). В публикации рассматриваются онтологические предпосылки культа. Автор опирается на методологию философии имяславия, которая изложена в трудах П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева.

Ключевые слова и фразы: праздник Масленица; онтология; слово; символ; язык; имя; число; культ; культовая деятельность.

Демченко Полина Николаевна, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
polina-alex@mail.ru

МАСЛЕНИЦА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Через слово, по мнению А. Ф. Лосева, в имени заложена «глубочайшая природа социальности» в ее многообразных формах проявления, ибо «без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием» [3, с. 627]. Без возможности обретения онтологической нормативности бытия – бытия-символа – человек остается вечным узником самого себя. Имя – это силовая субстанция, субстанциональная сила. Духовная разобщенность в рамках ущербного бытия не позволяет человеку внутренне соприкоснуться с предметом слова, что ведет к непониманию слова, ведь для того чтобы понять язык-символ, необходим опыт вживания, например через медитацию, в именуемое.

Чтобы постичь символичность слова, необходимо его мистическое осмысление, потому что слово одновременно мистично и магично, ведь оно обладает магическим действием через звуковую энергию, содержащуюся в *семеме* («*символическое единство семемы* вообще, или первое символическое единство слова») [Там же, с. 635]. Так как сила действия слова выражается через семему, слово синэргично. И только через семему становится возможным преображение слова-знака в слово-символ путем медитации или магического опыта – через *со*-участие в культе, поскольку слово-символ трансцендентно рационалистическому пониманию.

Бытие-кентавр, входя в сферу культа, функционирует не по имманентным ему законам, а по иным. Оно преображается под воздействием культа в бытие-символ, трансцендентную структуру и начинает жить по законам бытия-символа. Трансцендентная сила, связывающая горнее и дольнее, в акте *со*-участия в культе, преображает ущербное бытие. Сегодняшняя реальность, погруженная в традицию числа и потому онтологически перевернутая по отношению к символу, таит в себе трансформацию культуры. Эта трансформация на первый взгляд может показаться неким путем к интеграции человеческого общества, однако по сути своей она означает утрату его духовной основы и разобщение. Заметим, что сам культ начинает иметь характер размытости.

При взгляде снизу вверх культ представляет собой некоторую деятельность человека, вид культурной его деятельности, элементами которого (культа) выступают молитвы, тексты и напевы песнопений, освященные вещества и т.д. Эти компоненты культа, объединенные в конкретно-целостные единства, являются орудиями данной культурной деятельности, с помощью которых, через них и в них культ проявляется и реализуется. Предметы культа, в свою очередь, представляют собой осуществленное соединение нетленности и гибнущего, временного и вечного. Неслучайно феургия с древних времен рассматривалась в качестве некой точки опоры человеческой деятельности, как условие полного наполнения действительности смыслом и максимальной реализации смысла в действительности.

Вслед за П. А. Флоренским рассмотрим культ как вид *культурной* деятельности человека с целью дальнейшей экспликации влияния оппозиции «знак – символ» на гештальт культуры как орудия праздничной культурной деятельности. «В порядке логическом соотношение деятельностей человеческих таково, что *Sacra* образуют средоточие, объединяющее собою *Instrumenta* и *Notiones*, то есть *I* и *N* должны быть рассматриваемы как моменты распадения или раскрытия *S* – так или иначе, смотря по общей оценке исторического процесса. $I \leftarrow S \rightarrow N$» [4, с. 61].

Проанализируем порядок в праздничной деятельности современного общества как соотношение *теоретической (мировоззрения), практической (хозяйства) и литургической (культа)*, приняв одну из них за первоначальную, а остальные – выводя из первичной. Мировоззрение (*N*) П. А. Флоренский рассматривает как совокупность понятий о мире, Боге, нравственности, праве. Оно является и наукой, и догматикой, и мифологией. Хозяйство (*I*) – это «совокупность орудий производства внешней материально-утилитарной культуры» [Там же, с. 62]. Культ (*S*) – это совокупность священных вещей (действий и слов, в т.ч. реликвий; таинств и обрядов и т.п.), служащих для установления связи между нашим и духовным мирами.

Сегодня логическое соотношение человеческих деятельностей в жизни (взаимное соотношение мировоззрения, экономики и культа) можно представить следующими схематическими моделями:

– в экономизме: $I \rightarrow N \rightarrow S$;

– в идеологизме: $N \rightarrow I \rightarrow S$;

– в конкретном идеализме: $S \begin{matrix} \nearrow N \\ \searrow I \end{matrix}$

С середины XIX в. экономизм на фоне общего промышленного роста постепенно начинает сводиться к экономическим потребностям масс. Нивелируются сила личности и чувство ценности. Постепенно общество оказывается во власти традиции числа. Однако праздничная деятельность (в данном случае празднование Масленицы), согласно нашему подходу, является ответом традиции имени на вызов традиции числа. Поэтому в качестве первоначальной деятельности примем *литургическую (культ) – S*.

Суть феномена праздника раскрывается в восстановлении начального и священного времени, поскольку праздник – это некие действия, раскручивающиеся в начальном времени. Неслучайно у древних славян новый год наступал 1 марта (14 марта по новому стилю). Ему предшествовал древний праздник – Масленица, обозначающий наступление нового года. Календарные обряды несут в себе литургическую составляющую. Календарный фольклор и народные праздники восточных (русские, белорусы и украинцы), южных (сербы, болгары и др.) и западных (словаки, чехи, поляки) славян имеют много общего. Так праздники, подобные русской Масленице, встречаются у разных народов. У болгар существует праздник Кукер; у поляков – Менсопуст и Запуст; у словаков и чехов – «вынос смерти» как особый ритуал, символизирующий зиму: «соломенное чучело *морену*, или маржену, выносили из дома и бросали в воду или разрывали на части (название чучела восходит к имени древнеславянской богини смерти Мары, или Марены)» [5, с. 121]. Подобная обрядовая природа обнаруживается и в западноевропейском карнавале.

Преображение бытия-кентавра в ходе культовых действий масленичного комплекса представляет собой процесс замыкания мировоззрения (*N*) и хозяйства (*I*) в единое целое. Как результат этого осуществляется достижение онтологической нормативности бытия – бытия-символа.

Известный шотландский религиовед и исследователь мифологии У. Р. Смит утверждает, что «Поскольку мифы заключали в себе объяснение ритуала, их значение всегда было второстепенным; и можно с достоверностью утверждать, что почти в каждом случае миф возникал из ритуала, а не ритуал из мифа, так как ритуал был фиксирован, миф же изменялся, ритуал был обязательным, а миф был предоставлен свободе верующего» [7, p. 17-18]. Поэтому У. Р. Смит делает вывод, что, изучая древние религии, «мы должны начинать не с мифа, а с ритуала и с традиционного обычая» [Ibidem].

Для первобытного человека ритуал и обычай были важной частью существования, поскольку религия в первобытные времена представляла собой систему жизненных правил, традиционных действий, с которыми каждому члену общества необходимо было считаться. Следовательно, можно утверждать, что требуется не столько внешнее сопоставление обрядов, сколько внутреннее проникновение в жизнь культа, прежде всего проживанием в самом культе (если и не в данном, то в подобном).

Согласно Э. Дюркгейму, «культ не есть просто система знаков, посредством которых вера передается вовне, – это собрание средств, которыми она создается и периодически воссоздается» [6, p. 594]. Заметим, что знаки (иероглифы) в древние времена были понятнее слов, в них таилось выражение сверхчувственного, истинного бытия. Смысл иероглифа таит в себе некий всегда недвижный центр кристаллизации системы – безусловный смысл. Именно поэтому иероглиф в традиции числа непременно искажается, демонстрируя тем самым онтологическую болезненность бытия-кентавра. Язык-знак начинает претендовать на универсальный язык, симулируя язык-символ.

Полнота *со*-участия в культовой деятельности в процессе празднования Масленицы позволяет обрести безусловный смысл – Символ, который не является мыслью отдельного сознания, а есть конкретная реальность: он есть культ, элемент культа. Через актуализацию ино-сознания в сфере сознания культ (воплощенный Логос) вторгается в сознание, рассекая и разрывая его психологизм, и вскрывает всякую двусмысленность разделения души и духа, устраняя симуляцию онтологической нормативности бытия.

Десакрализованное общество в попытке сделать культуру имманентной себе само становится имманентным культуре. «Культура ринулась по своим путям, поборая человека» [4, с. 111]. П. А. Флоренский отмечает, что человеческая личность становится трансцендентной себе. Пространство несет некоторое расчленение разумностью, «причастность его миру, но разумное и идеальное во плоти дается только культом. Пространство есть, ибо есть культ» [Там же, с. 119]. Аналогично и культовое время, задающее ритм праздников. «Время есть, ибо есть культ. Все времена держатся на закрепках литургических, и, когда религиозные устои распадаются, – “время выходит из пазов своих”» [Там же]. В этом случае речь идет не о физическом пространстве и времени бытия-кентавра, а пространственно-временном континууме бытия-символа. «Время и пространство – производные культа. Время и пространство – в реальности культа, но не наоборот. Мир – в культе, но не культ в мире» [Там же, с. 120], потому что культ – это полнота истинной жизни.

Заметим, что только размышления о культе без *со*-участия в нем являются односторонними, недостаточными, поскольку сама истина – это не стремление к ней. Смысл культа состоит в претворении естественной радости в «священную песнь, в священное слово, в священный жест. Не запрещать естественные движения, не стеснять их, не урезывать богатство внутренней жизни, а напротив – утверждать это богатство в его полноте, закреплять, взращать. Случайное возводится культом в должное, субъективное просветляется в объективное. Культ претворяет естественную данность в идеальное» [Там же, с. 129].

Можно вслед за П. А. Флоренским определить культ как процесс совмещения реальности и смысла, актуализации внутренних сил человеческой онтологии, на которой основываются человеческие деятельности. Следует отметить, что опыт инициации позволяет мгновенно и радикально изменить статус индивидуума, вывести его из-под давления фатальной обусловленности и возвести к абсолютно иному состоянию, противоположному ущербному, содержащему внутри себя травму бытия. «Он требует от человека невероятных усилий, направленных *против* потока рока, в который тот погружается вместе с рождением, *против* всего “естественного” хода событий, *против* самой фундаментальной логики внешнего и внутреннего миров» [1, с. 107] через умерщвление «ветхого человека», через «второе рождение». Вместо человека, умершего инициатической смертью, мы имеем нового человека с преображенной новой сущностью, который обрел новое инициатическое имя, соответствующее внутреннему качеству этой новой сущности. Именно поэтому, мы считаем, что «праздник значит незанятый, порожний, свободный, пустой, опростанный, – праздник, т.е. время, не занятое повседневным, время, умершее для всегдашнего, время особливое – праздное от мирского, трансцендентное, святое» [4, с. 196]. Праздник – это неделание, которым держатся дела всей вселенной.

Феномен праздника разрывает «монотонный поток времени» повседневность бытия, позволяя осознать чувство длительности и «измерить внутренним чувством время». Через феномен праздника для нас существует время. «Время конструируется календарем, ритмом праздников» [Там же, с. 198]. Поэтому ослабление индивидуальности современных праздников, их шаблонность в рамках традиции числа приводят к потере новизны, «остроты перерыва будничного времени» самого праздника, потере возможности делать время. Праздники, теряя свой сущностный контекст, превращаются в монотонный и бесцветный ряд. По мнению П. А. Флоренского, праздник – это «пауза будничного потока жизни» [Там же].

Таким образом, в рамках традиции числа Масленица является условием преображения, просветления, одухотворения ущербного бытия через *со*-участие в обрядовости, в культе. Именно поэтому совпадение житийных повествований с мифом не является простым заимствованием из языческих сказаний, является истиной.

Обряды, по мнению П. А. Флоренского, – это система литургических действий (об-ряжают, «об» / т.е. кругом). Таинства представляют «категорию», корень бытия, «(трансцендентное) условие бытия о<бщест>ва и личности» [Там же, с. 438]. Напомним, что в русских деревнях с древних времен принято производить разные действия, связанные с кругом, например объезжать несколько раз село на лошадях, украшать колесо от телеги и затем его носить по улицам на шесте или скатывать с горы, водить традиционные хороводы и т.п. Считалось, что подобные действия «упрашивают» и «умасливают» солнце, чтобы оно стало добрее. Отсюда и одна из версий названия праздника.

По другой версии название «Масленица» возникло потому, что именно по православному обычаю на эту неделю распространяется запрет в поедании мяса, а молочные продукты разрешено употреблять. Поэтому, следуя данному обычаю, пекут масленые блины. Неслучайно Масленицу также называют Сырной неделей.

Существует также версия, что Масленица родилась на далеком Севере, отцом этого праздника был Мороз. Согласно легенде, Масленица пришла к людям, смогла заставить их забыть о зиме на неделю, разогрела своим теплом кровь в их жилах, схватила их за руки и пустилась в пляс. Именно поэтому считается, что Масленица – самый веселый праздник [2, с. 131].

Таким образом, в масленичном комплексе можно проследить в качестве общей идеи народной и христианской традиций идею преображения греховной сущности человека как следствие пребывания в традиции числа через опыт инициации «второго рождения» – духовного рождения, переживание через актуализацию памяти онтологической нормы бытия – бытия-символа. Неутолимая онтологическая жажда человека, страх перед хаосом, окружающим миром, небытием, проявляющиеся в масленичной обрядности, объединяют народную традицию с христианской. Участники праздника, так же как и религиозный человек, получают возможность найти Космос в изначальном его сотворении через познание священного времени и пространства.

Можно предположить, что в календарной обрядности заложено «сакральное знание о глубинных символических соответствиях между природной и духовной сторонами бытия» [1, с. 175], раскрывающееся в акте преображения бытия-кентавра через момент инициации – взаимоперехода от горнего к дольнему, от ветхого к новому. Следовательно, Масленица – это победная фаза качественного преображения ущербной реальности, в которой пребывает человек, посредством культовой деятельности.

Список литературы

1. **Дугин А. Г.** Метафизика благой вести (православный эзотеризм). М.: Арктогея, 1996. 264 с.
2. **Коринфский А.** Народная Русь. Сказания, поверия, обычаи и пословицы русского народа. М.: Белый город, 2006. 592 с.
3. **Лосев А. Ф.** Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 613-802.
4. **Флоренский П. А.** Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антроподицеи) / сост. и ред. Игумен Андроник (Трубачев). М.: Мысль, 2004. 685 с.
5. **Эрудит. Язык и фольклор**: универсальное справочное издание / вып. ред. И. Ю. Фатиева. М.: Мир книги, 2007. 191 с.
6. **Durkheim E.** Les formes elementaires de la vie religieuse. Le systeme totemoque en Australie. Paris, 1912. 596 p.
7. **Smith W. R.** Lectures on the Religion of the Semites. L., 1907. 183 p.

PANCAKE WEEK AS DEMONSTRATION OF CULT ACTIVITY

Demchenko Polina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Film and Television
polina-alex@mail.ru

The article is devoted to the study of the phenomenon of Pancake Week holiday as demonstration of human cult activity that allows showing name and number as principles of various ontologies (traditions of name and traditions of number). The author studies the manifestations of the implications of name and number in Pancake Week rites basing on the idea by P. A. Florensky about the correlation of the activities of modern human society, namely the correlation between three original sides – theoretical, practical and liturgical ones (world outlook, economy and cult). The paper deals with the ontological prerequisites of cult. The author relies on the methodology of the philosophy of praising the name, which is presented in the works of P. A. Florensky and A. F. Losev.

Key words and phrases: Pancake Week holiday; ontology; word; symbol; language; name; number; cult; cult activity.

УДК 7; 18:7.01
Искусствоведение

Статья посвящена проективографическому методу формообразования, заключающемуся в превращении многогранников в различного рода объекты предметно-пространственной среды. Впервые, вследствие транспонирования автором исследования принципа конструирования многогранников в компьютерную программу, появилась возможность их преобразования в виртуальные художественно-образные картины, пробуждающие у зрителя ассоциативные связи с представлением о земных и космических объектах. Обозначены области применения метода во многих сферах искусства.

Ключевые слова и фразы: многогранные модели; орнаментальные структуры; компьютерные преобразования; виртуальные картины; графический дизайн.

Дерева Райа Мажитовна, к. искусствоведения, доцент
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
dereva_raya@mail.ru

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ТРЕХМЕРНЫХ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ВИРТУАЛЬНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ

Геометрические структуры, способные видоизменяться в объемно-пластические конструкции и орнаментально-плоскостные композиции, скрыты в поле проективографического чертежа.

Сущность проективографического формообразования обозначена автором метода, доктором искусствоведения, профессором В. Н. Гамаюновым в журнале «Техническая эстетика» (1991, № 4): «Проективография – наукоемкий инструмент для достижения целей гармонизации в формотворчестве, а следовательно – в работе дизайнера, архитектора, инженера» [7, с. 23].

Объект данного исследования – проективографическое формообразование. Предмет исследования – виртуальные художественные образы, преобразованные из трехмерных геометрических структур.

Целью исследования является определение механизма преобразования трехмерных геометрических структур в виртуальные художественные образы.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: обозначить суть проективографического метода формообразования; отразить значимость интеграции проективографии и компьютерных технологий с их приемлемым для преобразования многогранных структур оперативно-действенным, функционально-адаптированным набором инструментария для генезиса формообразования; проанализировать, аргументировано представить (по возможности в рамках статьи) гармоничность и эстетическую обусловленность образно-изобразительных картин проективографического происхождения и выявить аналоги этим виртуальным, завораживающе пластичным и орнаментализированным образам в изобразительном искусстве; найти предполагаемую область применения художественно-образных, абстрактных беспредметных и фигуративных картин в различных сферах искусства.

Актуальность исследования заключается в том, что предложенный автором метод проективографии достойно продолжает поиск новых геометрических сущностей и развивает древнейшее учение о фигурах, пропорциях и отображениях, а также он (метод) обнаруживает подвижность в развитии изобразительных возможностей, как на основе самой эпюры, так и производных от нее структур (что стало неожиданным явлением в использовании графических компьютерных программ).

Научная новизна данной работы заключается в исследовании изобразительных возможностей проективографического метода, результатом которых стали виртуальные картины как концепты разного жанрово-стилевого характера и различного виртуального изобразительного качества, связанные с особенностями воспроизведения в компьютерных графических программах.